

Нет автора

Русская старина

1898. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1898. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 713 с.

ISBN 978-5-458-02847-9

ISBN 978-5-458-02847-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 Г.Г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины»
изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб.,
а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала
«Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ
тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ
ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Отношенія императора Павла I къ Академіи наукъ ¹⁾.

I.

Академикъ С. Е. Гурьевъ.

Нѣходѣ прошлаго столѣтія среди академикомъ является оригинальная личность—Семень Емельяновичъ Гурьевъ. Онъ былъ первый русскій ученый, вступившій въ Академію не изъ академической теплицы. До него всѣ академики, съ русскими именами, были питомцами академической гимназіи и университета, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, были приготовляемы къ занятію академическихъ кресель посылкою за-границу, для довершенія своего научнаго образованія въ иностранныхъ университетахъ. Гурьевъ петербургскій уроженецъ (род. 1766 г.), воспитывавшійся съ 1778 по 1784 годъ въ Артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ (впослѣдствіи 2-й кадетскій), посвятилъ себя съ особою любовью занятіямъ по физико-математическимъ наукамъ, выказавъ въ нихъ счастливую природную свою даровитость. По выпускѣ изъ корпуса онъ былъ назначенъ преподавателемъ навигаціи и артиллеріи въ бывшемъ тогда греческомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1792 году совершилъ, съ высочайшаго соизволенія, поѣздку въ Англію, для осмотра гидравлическихъ работъ, и по возвращеніи оттуда произведенъ въ капитаны артиллеріи.

¹⁾ Настоящая статья служитъ продолженіемъ напечатанной въ № 2 „Русской Старины“, подъ заглавіемъ: „Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи Наукъ“.

Въ маѣ 1796 года Гурьевъ представилъ Бакунину рукописное свое сочиненіе: «Начала геометріи трансцендантной и исчисленія дифференціального, извлеченныя изъ истинной природы ихъ предметовъ». Бакунинъ послалъ эту рукопись конференцъ-секретарю, съ приказаніемъ передать ее для разсмотрѣнія академику Иноходцеву съ тѣмъ, чтобы онъ свой отзывъ о ней представилъ въ «ближайшемъ засѣданіи конференціи». 26-го мая Иноходцевъ донесъ, что, пробѣжавъ рукопись въ назначенный ему для этого краткій срокъ, онъ, не будучи достаточно знакомъ съ тѣми французскими и англійскими сочиненіями, на которыя ссылается авторъ, не можетъ разобрать, что принадлежитъ здѣсь самому Гурьеву, а что имъ только заимствовано изъ означенныхъ сочиненій; но ему кажется, что авторъ хорошо усвоилъ себѣ предметъ, и что онъ съ пользою для себя читалъ лучшія сочиненія по высшей математикѣ. Вслѣдъ затѣмъ конференцъ-секретарь объявилъ, что Бакунинъ предлагаетъ автора означенной рукописи въ адъюнкты Академіи, а тѣ изъ присутствовавшихъ академикомъ, которые лично знали Гурьева, заявили, что это весьма трудолюбивый ученый, хорошо изучившій математику. Поэтому было приступлено къ баллотировкѣ, и Гурьевъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Вступивъ, такимъ образомъ, въ Академію, капитанъ-артиллеріи Гурьевъ, человѣкъ прямодушный и энергичный, не замедлил очутиться въ борьбѣ съ начальникомъ ученаго собранія, и одержалъ надъ нимъ верхъ благодаря тому, что въ царствованіе императора Павла Петровича самоволье Бакунина должно было находить себѣ рѣшительный отпоръ въ чувствахъ справедливости и уваженія къ законному порядку, которыя проявлялись государемъ во всѣхъ дѣлахъ, доходившихъ до его свѣдѣнія.

Бакунинъ, облакавшій до толѣ кого хотѣлъ, по своему произволу, въ званіе академика, задумалъ, въ октябрѣ 1797 года, опредѣлить въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи Іоанна-Готлиба-Фридриха-Шрадера, профессора философіи въ Килѣ, на вакантно, имѣвшееся въ Академіи мѣсто механика и поручилъ академику Шуберту спросить Шрадера, согласенъ ли онъ занять означенное мѣсто, съ жалованьемъ въ 1.200 рублей. Когда объ этомъ было заявлено конференціи, въ засѣданіи 2-го октября, то адъюнктъ С. Е. Гурьевъ, въ засѣданіи 9-го октября, представилъ особое мнѣніе. Въ немъ онъ указалъ, что предложеніе Бакунина не согласно съ регламентомъ, въ которомъ, въ статьѣ 4-й, постановлено, относительно академика по механикѣ, что должность его— «изобрѣтать всякія машины, полезныя въ гражданской и военной архитектурѣ и прочемъ»; а Шрадеръ извѣстенъ только, какъ художникъ (т. е. оптикъ), прославившійся счастливымъ подражаніемъ Гершелю въ строеніи Невтоніанскихъ телескоповъ. Такъ какъ подъ именемъ

механика регламентъ разумѣть ученаго физико-математика, въ родѣ Боссю, Прони или Дюбуа, а не простаго оптика, то вызовъ Шрадера для занятія въ Академіи мѣста механика Гурьевъ считаетъ дѣломъ противнымъ закону. Съ этимъ мнѣніемъ согласилась и конференція.

Вслѣдъ затѣмъ Гурьевъ представилъ государю, 12-го октября, такое донесеніе:

«Всемилоствѣйшій государь!

«Ревнуя къ пользѣ и славѣ вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь, по долгу присяги, донести слѣдующее: господинъ директоръ Академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ предложилъ ученому собранію о принятіи въ академики, на имѣющуюся вакансію, механика-художника Шрадера; я, какъ сочленъ сего собранія и вѣрный вашего императорскаго величества подданный, видя, что оное принятіе совсѣмъ противно намѣренію регламента Академіи наукъ, подавъ ученому собранію противу сего предложенія г-на Бакунина свое мнѣніе, которое при семъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству представить дерзаю и съ которымъ ученое собраніе согласно. Но г-нъ Бакунинъ, несмотря на сіе, дерзнулъ утруждать ваше императорское величество докладомъ о помѣщеніи онаго Шрадера въ академики; чего ради, дабы выполнить законы вашего императорскаго величества во всей ихъ точности, я дерзнулъ всеподданнѣйше сдѣлать сіе донесеніе. Всемилоствѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій Семень Гурьевъ, Императорской Академіи наукъ адъюнктъ по высшей математикѣ».

Пять дней спустя Академія получила слѣдующій высочайшій указъ:

«Въ опроверженіе вступившаго ко мнѣ отъ директора Академіи наукъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бакунина доклада о помѣщеніи на вакансію академика-механика, профессора физики въ Килѣ, Шрадера, каково получено мною той же Академіи отъ адъюнкта высшей математики Гурьева письмо, оное при семъ въ собраніе Академіи наукъ для надлежащаго разсмотрѣнія и представленія мнѣ общаго по сему случаю мнѣнія препровождаю въ оригиналѣ.

Павелъ».

Въ Гатчинѣ,
октября 17-го,
1797 г.

Во исполненіе этого повелѣнія государю было представлено, 19-го октября, слѣдующее донесеніе конференціи:

«Исполняя высочайшую вашего императорскаго величества волю, изображенную во всемилоствѣйшемъ вашего императорскаго величества указѣ отъ 17-го октября, собраніе Академіи наукъ имѣетъ счастье

всподданнѣйше донести, что оно, не получивъ еще сочиненій господина Шрадера-младшаго, не въ состояніи судить, можетъ ли онъ выполнять всѣ обязанности дѣйствительнаго академика-механика, предписаннаго 4-ю статьею регламента, хотя въ прочемъ оно удостовѣрено, что онъ можетъ ей быть полезенъ, какъ оптикъ; почему, предоставляя мѣсто академика-механика празднымъ, собраніе Академіи наукъ осмѣливается всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству—не угодно ли будетъ повелѣть предложить ему на первый случай званіе почетнаго члена, пока онъ знаній своихъ не докажетъ какимъ-либо сочиненіемъ, достойнымъ дѣйствительнаго академика-механика. А между тѣмъ, съ пользою можно бы ему препоручить надзираніе надъ палатою, въ которой дѣлаютъ математическіе инструменты, и по которой тоже искусство его извѣстно. О чемъ всеподданнѣйше донеся, осмѣливается (конференція) ожидать вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго соизволенія».

На это представленіе послѣдовалъ, 22-го октября, слѣдующій указъ собранію Академіи наукъ:

«Находя основательнымъ представленіе собранія Академіи наукъ относительно профессора физики въ Килѣ, Шрадера, повелѣваемъ привести оное въ дѣйствительное исполненіе.

Павель».

Итакъ, только благодаря энергической оппозиціи Гурьева, Шрадеръ не попалъ въ академики. Онъ былъ принятъ лишь какъ оптикъ, на котораго было возложено завѣдываніе механической мастерской для изготовленія и починки разныхъ физическихъ инструментовъ. Но работами его въ этой мастерской академики были не очень довольны, и онъ былъ уволенъ въ 1801 году.

Когда въ іюль 1796 года Бакунинъ, съ явнымъ пренебреженіемъ предписаній регламента и правилъ справедливости и вообще приличія, опредѣлилъ лазариста Ганри академикомъ ¹⁾, то этимъ въ особенности былъ возмущенъ Гурьевъ, который поэтому и обратился къ Бакунину, въ январѣ 1797 года, о сравненіи его съ принятымъ послѣ него въ Академію аббатомъ какъ въ жалованьи, такъ и въ академическомъ званіи. Бакунинъ передалъ эту просьбу въ конференцію. Тогда Гурьевъ, въ подтвержденіе своей просьбы, представилъ ученому собранію, съ прямодушіемъ и откровенностью, слѣдующія, объясненія:

1) Ганри вступилъ въ Академію послѣ меня и слѣдовательно долженъ быть младше, а не старше меня.

2) Ганри, во свидѣтельство своихъ талантовъ, представилъ «Сфери-

¹⁾ См. „Рус. Ст.“ 1898, № 2, стр. 235.

ческую астрономію» съ «Тригонометрією», которыя назадъ тому уже нѣсколько сотъ лѣтъ какъ имѣютъ возможное совершенство, такъ что къ нимъ прибавить ничего уже не можно. Нашъ всякій штурманъ знаетъ ихъ во всей подробности, и по разсмотрѣніи оказалось, что оныя суть не иное что, какъ худыя, съ нѣкоторою отгѣною, выписки изъ Эйлера и Мопертюи, бывшаго Берлинской Академіи наукъ директора. Я же на тотъ конецъ представилъ «Начала геометріи трансцендантной и исчисленія дифференціального». Не трудны самыя правила ни той, ни другой науки, но неизвѣстны были до сего времени настоящія, точныя и математическія тѣхъ правилъ доказательства, какъ то въ приложенномъ при моей книгѣ словъ ясно доказано.

3) Гапри, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, написалъ только одну диссертацию, да и то такую, которую онъ всю выписалъ изъ тригонометріи Каньоли, и повѣсилъ, по желанію г-на директора, но противъ воли и доказательствъ всей Академіи, тотъ славный квадрантъ къ совершенному его разстройству, какъ то опыты начинаютъ уже сіе показывать, который столько знаменитыхъ ученыхъ здѣсь бывшихъ повѣсить думали, и который однакожь они, какъ истинные почитатели милостей монаршихъ, на науку наливаемыхъ, никакъ повѣсить не осмѣливались, доколѣ не послѣдуетъ другое милостивое монаршее соизволеніе создать новую обсерваторію, сходственную съ нынѣшнимъ состояніемъ астрономіи. Я же, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, прочелъ для публики физическія лекціи, за которыя двоекратно, изъ устъ самого г-на директора, слышалъ благоволеніе, и которыми постоянно пользовались не ученики, а большею частью такіе люди, которые сами представляютъ; сверхъ того, недавно представилъ не диссертацию въ поллиста, а цѣлое сочиненіе, котораго предметъ великое вліяніе имѣеть на совершенство всей математики.

4) По намѣренію великаго основателя Академіи Петра Перваго и по намѣренію регламента оной, Академія должна состоять изъ русскихъ; чужестранцы же положены для заведенія ея на первый случай.

«Всѣ сіи причины, кромѣ многихъ другихъ, довольно важныхъ, по моимъ понятіямъ, служатъ непреложнымъ доказательствомъ, что французскому аббату Гапри даны, извѣстныя предо мною, важныя преимущества совсѣмъ несправедливо».

Для рѣшенія вопроса, предложеннаго Бакуинимъ ученому собранію, академики признали нужнымъ ознакомиться подробно съ сочиненіемъ, которое было представлено Гурьевымъ подъ заглавіемъ: «Опытъ о постановленіи математики на твердыхъ основаніяхъ», вслѣдствіе чего оно было читано авторомъ въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій конференціи. Академики Фусъ и Румовскій представили затѣмъ конференціи подроб-

ные письменные отзывы объ этомъ трудѣ, на основаніи которыхъ конференція, одобривъ сочиненіе, признала, что авторъ заслуживаетъ поощренія къ продолженію трудовъ по избранной имъ наукѣ, найдя, впрочемъ, что прежде печатанія необходимо сдѣлать въ сочиненіи нѣкоторыя сокращенія и измѣненія, съ измѣненіемъ и самого заглавія его ¹⁾. Опираясь на этотъ отзывъ конференціи, Гурьевъ просилъ Бакунина о какомъ-нибудь награжденіи его за означенное сочиненіе и объ опредѣленіи его преподавателемъ математики въ гимназіи. Бакунинъ и эту просьбу опять передалъ на обсужденіе конференціи, предоставляя ей высказаться о томъ, имѣетъ ли проситель какое-либо право на награду, и какого рода поощреніе можно ему оказать. Вслѣдствіе сего конференція, въ засѣданіи 24-го апрѣля, постановила донести Бакунину, что такъ какъ Гурьевъ еще не представилъ какой-либо диссертациі, достойной помѣщенія въ «Nova Acta», то она не можетъ предложить его къ повышенію въ академики; что можно было бы назначить его на промежуточную степень экстраординарнаго профессора, если бы онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ въ гимназію, но въ этомъ Бакунинъ просителю отказалъ, и поэтому остается лишь поощрить молодого ученаго, подвизающагося столь успѣшно на научномъ поприщѣ, прибавкою къ его жалованью по 300 рублей въ годъ. Но Бакунинъ назначилъ, вслѣдствіе этого, Гурьеву прибавку жалованья только въ 150 рублей. Когда, послѣ этого, въ засѣданіяхъ 22-го мая и 20-го іюля, Гурьевъ представилъ и прочелъ двѣ диссертациі, удостоенныя помѣщенія въ «Nova Acta» ²⁾, то онъ счелъ себя въ правѣ напомнить конференціи (въ засѣданіи 21-го августа), что онъ тѣмъ исполнилъ условіе, поставленное ему для повышенія въ академики. Конференція съ этимъ вполне согласилась и положила поручить Гурьева благорасположенію Бакунина для доставленія ему означеннаго званія. Не видя никакого успѣха отъ такого ходатайства ученаго собранія, Гурьевъ обратился, 27-го ноября, къ конференціи съ просьбою разъяснить ему, что пренятствуетъ назначенію его въ академики: то ли, что онъ еще не такъ давно вступилъ въ Академію, или же какія другія причины? На

¹⁾ Это сочиненіе и было потомъ издано особою книгою подъ заглавіемъ: „Опытъ о усовершеніи элементовъ геометріи, составляющій первую книгу математическихъ трудовъ академика Гурьева 1798 г.“. Съ 5 чертежами, 265 стр., in 4°.

²⁾ А именно: 1) „Mémoire sur la résolution des principaux problèmes, qu'on peut proposer dans les courbes, dont les ordonnées partent d'un point fixe“. Чит. 22-го мая 1797 г., напечатано въ „Nova Acta“, т. XII. 2) Essai de démontrer rigoureusement un théorème fondamental des équations de condition de la différentielle des fonctions à plusieurs variables, et du calcul des variations. Чит. 20-го іюля 1797 г., напечатано въ „Nova Acta“, томъ XIII.

это конференція внесла въ свой протоколь, что съ своей стороны она сдѣлала все отъ нея зависящее, а остальное есть дѣло директора, къ которому онъ и можетъ обратиться. Въ отвѣтъ на это заявленіе Бакунинъ, въ засѣданіи 4-го декабря, сообщилъ, что если конференція считаетъ Гурьева способнымъ отправлять должность академика, то можетъ сдѣлать ему, директору, представленіе. На этомъ основаніи, въ засѣданіи 14-го декабря, конференція положила: просить Бакунина о производствѣ адъюнкта Гурьева въ дѣйствительные академики по физико-математическимъ наукамъ.

Это странное, нескончаемое перебрасываніе дѣла между директоромъ и конференціей вывело, наконецъ, Гурьева изъ терпѣнія. Вспомнивъ, съ какою быстротою, не справляясь даже съ мнѣніемъ конференціи, Бакунинъ такъ недавно произвелъ французскаго монаха въ академики, Гурьевъ, конечно, увидѣлъ въ означенной проволочкѣ явное доказательство непріязненнаго расположенія къ нему Бакунина, особенно послѣ того, какъ затѣя его сдѣлать оптика Шрадера академикомъ была, въ октябрѣ того же года, разстроена именно Гурьевымъ. Поэтому, не ожидая уже ничего для себя хорошаго отъ Бакунина, Гурьевъ, какъ человѣкъ рѣшительный и прямой, подалъ прошеніе государю. Въ то же время и по подобному же поводу подалъ государю прошеніе и профессоръ химіи Захаровъ, вовсе чаявшій назначенія своего въ академики.

Вслѣдъ за симъ, въ засѣданіи конференціи 22-го января 1798 года, было прочитано слѣдующее письмо статскаго совѣтника Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, секретаря его величества, на имя ученаго собранія:

«Его императорскому величеству, по поводу прошеній, поданныхъ отъ коллежскаго ассессора, Академіи наукъ адъюнкта Гурьева ¹⁾, и той же Академіи профессора Захарова, благоугодно было мнѣ повелѣть отъ господъ членовъ ученаго собранія, на коихъ просители ссылаются, отобрать свѣдѣніе о точности ими доносимаго, для чего оба помянутыя прошенія препровождаются съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи, благоволено было ихъ возвратить, съ присовокупленіемъ отзывовъ каждаго изъ господъ членовъ».

Для исполненія этого высочайшаго повелѣнія, члены конференціи немедленно составили сличеніе обихъ прошеній съ статьями протоколовъ, относящимися до повышенія просителей въ академики, и собрались на другой же день въ чрезвычайное засѣданіе для составленія всеподданнѣйшаго донесенія по этому предмету, въ формѣ извлеченія

¹⁾ Онъ былъ перечисленъ изъ артиллеріи капитановъ въ коллежскіе ассесоры высочайшимъ указомъ 20-го января 1797 года.

изъ протоколовъ. Это извлеченіе, подписанное всѣми академиками, было тотчасъ же препровождено, при письмѣ конференцъ-секретаря, къ Нелединскому-Мелецкому, съ возвращеніемъ подлинныхъ прошеній.

Рѣшеніе государя по этому дѣлу объявлено Академіи 1-го февраля, въ формѣ письма Нелединскаго-Мелецкаго на имя Бакунина, отъ 31-го января 1798 г. слѣдующаго содержанія:

«Его императорское величество вслѣдствіе прошеній, поданныхъ Академіи наукъ отъ экстраординарнаго профессора Захарова и той же Академіи адъюнкта Гурьева о произведеніи ихъ въ академики, высочайше повелѣлъ мнѣ, для узнанія о точности донесенія сихъ просителей, снестись съ членами ученаго собранія. Нынѣ утверждаюсь на присланномъ изъ Академіи протоколѣ за подписаніемъ академикомъ Эйлера, Румовскаго, Лепехина, Крафта, Озерецковскаго, Фусса, Шуберта, Германа, Севергина, Ловица и Ганри, согласно свидѣтельствующихъ справедливость просьбъ господъ Захарова и Гурьева, и поведеніе и заслуги ихъ одобряющихъ: высочайше указать изволилъ сообщить вамъ, что его императорскому величеству угодно, чтобъ помянутые господа Захаровъ и Гурьевъ были непременно въ дѣйствительные академики произведены и получали-бъ слѣдующее имъ по регламенту жалованье».

Вслѣдъ за симъ въ засѣданіи конференціи 19-го февраля, Гурьевъ сообщилъ слѣдующую записку, полученную имъ отъ Нелединскаго-Мелецкаго:

«Его императорское величество, въ знакъ благоволенія за поднесенную коллежскимъ ассесоромъ и академикомъ Семеномъ Гурьевымъ сочиненную имъ о математическихъ предметахъ книгу, всемилостивѣйше пожаловавъ триста рублей, высочайше указать изволилъ оную сумму г. Гурьеву выдать изъ Кабинета». Спб. 10-го февраля 1798 г.

Такое назначеніе двухъ академикомъ самимъ государемъ составляетъ въ исторіи Академіи фактъ величайшей важности: имъ обозначился какъ бы переломъ въ коренныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ собою жизнь и значеніе ученаго собранія. До этого времени, въ теченіе всего существованія Академіи, съ самаго момента ея учрежденія, всѣ назначенія ученыхъ въ члены ея и увольненія ихъ дѣлались, въ силу регламента, одною властью президентовъ и директоровъ,—и дѣлалось безконтрольно, безъ объясненій передъ кѣмъ-либо поводовъ и основаній такихъ назначеній. При этомъ «командиры Академіи», какъ иногда назывались въ то время президенты и директора, могли, но не обязаны были, спрашивать мнѣнія конференціи объ ученыхъ заслугахъ тѣхъ, кои они принимали, а изъ исторіи видно, что иногда они и не спрашивали ее. Такимъ образомъ, со времени созданія Академіи, Гурьевъ и Захаровъ были первыми академиками, возведенные въ это званіе высочайшею властью; съ этой поры такой порядокъ сталъ правиломъ, а вскорѣ потомъ, ре-

гламентомъ 1803 года, обращенъ въ законъ. Въ этомъ регламентѣ, преобразовавшемъ кореннымъ образомъ всю Академію, особенно важны два параграфа, которыми императоръ Александръ возвысилъ и обезпечилъ достоинство Академіи:

Въ § 23 сказано: «Мы предоставляемъ Академіи право избранія на открывшееся мѣсто академика или адъюнкта, будучи увѣрены, что собственная честь побудитъ академикомъ дѣлать выборъ, достойный ихъ самихъ и перваго ученаго общества въ Имперіи», а въ § 25 постановлено: «Министръ народнаго просвѣщенія имѣетъ представлять на утвержденіе наше избранныхъ въ ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты».

Такъ было возвышено значеніе академическаго званія отнесеніемъ его къ категоріи тѣхъ въ государствѣ должностей, въ которыхъ, по важности ихъ, служащіе утверждаются высочайшею властью.

Исторія Академіи должна отмѣтить тотъ важный для нея фактъ, что императоромъ Павломъ положенъ былъ наконецъ предѣлъ безконтрольному хозяйничанію въ Академіи директоровъ, характеризующему ея исторію всего прошлаго столѣтія и нанесшему столько вреда ученымъ интересамъ въ Россіи.

II.

Эллинизмъ Вовилье.

Страшная революціонная буря, разразившаяся надъ Франціей въ исходѣ прошлаго столѣтія, отозвалась у насъ великимъ наплывомъ французскихъ эмигрантовъ; одного изъ нихъ эта буря занесла и въ нашу Академію. Жанъ-Франсуа Вовилье, посвятивъ себя изученію греческихъ писателей, приобрѣлъ своими учеными трудами, особенно о Пиндарѣ и Софоклѣ, такую извѣстность, что въ 1766 г. былъ назначенъ профессоромъ греческой словесности въ королевскомъ французскомъ коллегіумѣ (Collège de France), а въ 1782 г. былъ избранъ въ члены Академіи Написей. Въ томъ же году Павелъ, тогда еще цесаревичъ, будучи въ Парижѣ, во-время своего европейскаго путешествія подъ именемъ графа Сѣвернаго, присутствовалъ въ одномъ засѣданіи этой академіи, въ которомъ Вовилье прочиталъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ изъ Пиндара. При этомъ случаѣ переводчикъ былъ представленъ Павлу, который обошелся съ нимъ очень милостиво.

Когда обширныя и разностороннія ученыя работы Вовилье были прерваны первыми взрывами революціи, онъ выказалъ въ то трудное